

Говорить там, где нечего сказать

Мы попытаемся прояснить взаимосвязь, существующую между работами Жака Деррида, которые сложно и невозможно рассматривать в качестве некоего теоретического целого, обладающего единством концептуального языка внутри той «архитектонической завершенности», в которой, согласно Канту, обнаруживает себя разум. Заявленный им уже в самых ранних текстах отказ от следования «тематическому» мышлению, как бы оно не понималось – в структурном, генетическом или феноменальном плане, поиск иного языка, а точнее, языковⁱ, в которых можно «сегодня» мыслить, привели к образованию иной манеры анализа, критики, связывания и увязывания между собой различных текстуальных фрагментов, которые действительно не обладают никакой «видимой» теоретической целостностью, но, в то же время, не совсем разрознены, и их объединяет не только принадлежность перу одного и того же человека. Нашей гипотезой является наличие некоторой «герменевтики текстов Деррида», характеризующейся рядом общих правил отношения к философскому тексту, вытекающих из своеобразной философии языка, лежащей в центре внимания деконструкции. Попытаемся проанализировать некоторые посылки и некоторые последствия этого философско-лингвистического подхода. Представляется, что эта иная «герменевтика» предполагает, как раз, не обретение, а утрату смыслового горизонта и движение внутри такой смысловой ситуации, где то, что связано с конституированием смысла, не может быть завершено и выведено на какие-то устойчивые понимания. Некоторые ее черты:

- ситуация чтения или понимания может быть понята как такая ситуация радикальной лишённости смысла, где отсутствие смысла не может быть истолковано всего лишь как «привативная» модальность наличия смыслаⁱⁱ.

«Письмо всегда доходит», - пишет Ж. Лакан, комментирую новеллу Эдгара По «Украденное письмо», где письмо, согласно интерпретации Лакана, является чистым означающим, отражающим в себе все возможные смыслы, которые проецируют на него персонажи новеллы. И, согласно Лакану, это следует понять так, что оно занимает некоторое «свое» место в топике бессознательного – обрести, значит открыть то невидимое место, где оно находится – в центре комнаты, прикрепленное меж створа ножек камина в кабинете министра. Коммуникация завершается, когда истина доходит до адресата, фаллос вновь обретается его обладателем, и все персонажи новеллы оказываются внутри определенной психоаналитической структуры, замкнутой и исчерпанной благодаря свершившейся коммуникации. Где особая роль принадлежит пронизательному сыщику Дюпену, обретающему благодаря интерпретации Лакана черты зоркого психоаналитика. Переформулируя тезис Лакана, Деррида указывает на то, что в возможность письма «дойти согласно назначению» изначально вписана возможность «не дойти по назначению, потеряться, прийти не по назначению», без которой оно вообще бы никуда не смогло прийти. И, следовательно, эта возможность «не дойти, потеряться» определяют саму возможность сообщения, доставки, коммуникации даже в том случае, если письмо успешно доставлено по адресату и прочитано так, как нужно, шифр раскрыт, и истина обнаружена. Возможность его доставки целиком определяются возможностью «не-», которое является местом его пути, придает ему движение и какой-то смысл. Поэтому смысл и определяется целиком структурой пути, отправки, в которую, как в *условие самого сообщения, вписано то, что сообщение может не дойти, потеряться*. И это не какое-то дополнительно качество, которое, как неправильный адрес, указывается на конверте, куда вложено сообщение, но сама структура сообщения, позволяющая его читать. Следовательно, ситуация отправки сообщения – это не некий одномоментный акт установления эквивалентности, но некое изначальное расхождение в

сообщении, его изначальное раздвоение и внутренняя утрата, наделяющая его кодом и движением – открывающее путь. И, следовательно, вся коммуникация совершается между, условно говоря, двумя письмами – дошедшим и недошедшим, ни про одно из которых мы не можем в точности, знать какое из них дошло, а какое утратилось, какое подлинное, истинное, а какое фальшивое, подложное, какое принадлежит автору, а какое интерпретациям читателя, какое является бессознательным анализируемого, а какое бессознательным аналитика. То есть перед нами ситуация, которую сам Деррида называет ситуацией *почты*, коммуникации без адресатов и без сообщений, но где сама ситуация отправки или «различения» организует и адресатов, и сообщения, и обмен между ними – некое причудливое «почтовое ведомство». Сама ситуация двух видов текста – подлинного и ложного, реального и воображаемого, таким образом окажется рассмотрена в совершенно неожиданной перспективе, предопределяя подход к прочтению избираемых авторов и философских сюжетов. Другими словами – сама запрограммированность на возможную ошибку только и порождает возможность прочтения и понимания, и открытость к возможному «худшему» есть открытость к той неопределенности, «из которой вообще что-то может настать». В этой несколько парадоксальной герменевтической ситуации моя возможная ошибка и является единственным возможным кодом, приоткрывающим код интерпретации как таковой и именно этот навсегда изъятый код и образует структуру записи, повторяющегося знака – *запись есть знак минус код*. Следовательно, ситуация деконструктивного чтения и ориентирована на пространство, проистекающее из отсутствия кода – там, где возможна ошибка, неправильное понимание, там, где что-то может быть сохранено и прочитано, и где правильное, достоверное, подлинное *неотделимо* от неправдоподобного, ошибочного, неадекватного. Однако возникает вопрос – можно ли назвать деконструкцию - исследованием условий «подлинности», своеобразной ее «критикой»? Представляется, что ответ на этот вопрос не может быть однозначным, и мы постараемся показать почему. Это связано с другими аспектами «герменевтической модели» деконструкции.

- тезис, согласно которому я говорю из пересечения языков,
- языки Вавилона и поле письма
- одна сторона текста обращена к психическому, другая – к социальному порядку.
- свободное разыгрывание цензур
- письмо - всегда письмо «по ту сторону»

Что означает применение этих принципов к анализу конкретного текста – например, к тексту Фрейда?

Ответ Деррида и Фрейду, и Хайдеггеру и Левинасу – нет собственно смерти, подлинной или аутентичной, у нас нет языка подлинной смерти, даже если у нас есть некая «подлинная» смерть. И наоборот. И этот разрыв больше, чем просто разрыв языка на уровне знака, чем различие означающего и означаемого. Это сама возможность речи, позволяющей «говорить о смерти». Текст Фрейда, например, грозит постоянно слиться с другими текстами, другими возможностями, которые для него закрыты, несут с собой некое подобие «смерти» самого пишущего, его молчание, но, в то же время, позволяют говорить. Они заставляют его выбирать невозможные текстовые политики «смерти», в которых «другие» – Ницше, Шопенгауэр, Платон выступают в роли дьявольских двойников, отражений самого Фрейда, но в отражении которых он и говорит. Вглядываясь вслед за Фрейдом и Хайдеггером мы обнаруживаем невероятное сплетение «текста о смерти» и «текста смерти», которые позволяют прочесть друг друга. Позволяют писать и говорить там, где нечего сказать. Говоря по ту сторону всякого «по ту сторону».

Примечания

ⁱ «Это означает, что нужно гов

орить на многих языках и производить много текстов одновременно...» *Ж.Деррида* Концы человека /Поля философии 2012 М. стр.167

ⁱⁱⁱⁱ Имеется ввиду хайдеггровская привативная модальность в *Бытии и времени*

Ж. Деррида Голос и феномен 1999 СПб /гл. 6 Голос, который хранит молчание

J.-L. Nancy Le sens du monde 1993 P.

Ю.Кристева Бахтин, слово, диалог и роман М.1993, стр. 446

Ж.Деррида Диссеминация 2007 М. стр. 251, 462 и др.

Ж.Деррида О грамматиологии 2000 М. стр. 309

Ж.Деррида Сопротивления психоанализа. 2010 СПб стр. 30

Дж. Агамбен Грядущее сообщество 2008 М. стр. 52

Дж. Агамбен см. Необратимость / Грядущее сообщество 2008 М.стр.82

Ж.Деррида Призраки Маркса 2005 М. гл. «Наказы Маркса», гл. «Заклинать – марксизм», гл. «Явление невидимого»

J.Derrida Donner la mort 1999 P.

J.Derrida Apories 1998 P. 72- 80

З.Фрейд По ту сторону принципа удовольствия 2000 М.